

ЗАНОВО ПРОЧИТАННЫЙ ЩЕРБАНОВСКИЙ

Основной целью данной статьи является огромное желание напомнить читающей публике о популярном советском прозаике О.С. Щербановском. Понять мир Олега Щербановского, прочитать заново его книги помог библиотекарям ПКПБ им. А.М. Горького личный архив писателя, переданный библиотеке в 2017 г. Гудзенко Олегом Владимировичем.

Олег Сергеевич Щербановский родился 17 октября 1918 года во Владивостоке.

Отец его, потомственный моряк из местечка «вольных матросов» под названием Никополь (на месте Никополя находилась Запорожская сечь в 17 в.) Екатеринославской губернии, бывший матрос Добровольного флота, сумел закончить Владивостокское Александровское училище и получить диплом штурмана малого плавания, а в 1926 г. стать капитаном дальнего плавания. К сожалению, этот неординарный смелый человек тяжело заболел и рано ушел из жизни.

Дореволюционный снимок, сделанный в городе Николаеве в модном фотоателье господина Шифрина, сохранил образ деда Олега – Александра Щербановского: красивый, светловолосый и светлоглазый, мужественного вида мужчина в форменном кителе с блестящими пуговицами и холеными усами задумчиво смотрит вдаль. У Олега Сергеевича были такие же светлые холодноватые глаза и симпатичная семейная ямочка на подбородке.

Мать писателя звали Анной. На старинной желтой карточке с дарственной надписью будущему супругу: «Сереже от Нюры Свиридовой. 1916 г.», миловидная серьезная девушка с заложенными за спину руками и кротким детским взглядом.

Через год после свадьбы у 27-летнего Сергея Александровича и его юной супруги родился первенец – Евгений, будущий писатель – Олег Сергеевич Щербановский – пришел в этот мир в суровом 1918-м. Жилось молодой семье, со слов писателя, "в годы интервенции крайне туго, на грани голода», Сергей Александрович учился в мореходном училище. Жили сначала за Голубинкой, потом на пароходах, которые стояли в ремонте, и отец был в подменной команде. Маленькие сыновья собирали в порту в вагонах на подъездных путях соевые бобы, благо их были россыпи и приносили домой, где мама подсаливала их и поджаривала в постном масле на сковороде. Молодые родители, чтобы сберечь детей, за 300 с лишком километров от Владивостока, возили их подкормиться к бабушке. Остались в

памяти Олега Сергеевича длинная езда на телеге, коровки да лошадки, медно-прозрачные яркие леденцы-петушки на палочке, продававшиеся на пьяной развеселой ярмарке возле современного поселка Кировский...

Олег Сергеевич запомнил голод, коллективизацию, тиф, крестьян, бросавших хозяйство и бежавших из деревни в 30-е, подобным образом поступили, его бабушка по матери и тётя с детьми, завербовавшись на рыбные промыслы (ловили иваси), чтобы выжить, а дядя умер от тифа...

Первые пять лет юный Олег был лучшим учеником в классе, «без всякого труда и внимания на уроках», знал «весь учебный план наперед». И вдруг, в шестом классе, столкнулся с «непонятными, скучными, однообразными» алгеброй и геометрией. Посыпались плохие отметки, «как будто развязался мешок с двойками». Доходило до отчаяния и «самолюбие было крепко задето». Провалил экзамен. Но в седьмом классе пришел «новый преподаватель и пробудил интерес к математике. «И наступило вдруг прозрение, такое внезапное, как будто передо мной в потемках зажгли ослепительный луч прожектора!».

Вторым серьезным увлечением была химия, у него даже была химическая лаборатория с тысячью реактивов, секретные записи в своем детском дневнике он делал только симпатическими чернилами.

С удовольствием Олег занимался фотографией, сначала это был самодельный фотоаппарат из спичечного коробка с просверленным куском граммофонной пластинки внутри, заряжался такой коробок фотобумагой, снимать надо было с большой выдержкой – движущиеся цели на фото не получались, зато свой дом и завод Воронкина («Металлист») Олег снял мастерски, позже отец привез ему из Японии настоящий фотоаппарат. Оба брата, и Женя, и Сережа, обожали и побаивались отца. Высокий, худощавый с красивыми песочными усами, он был суров в воспитании и требовал от своих детей самостоятельности. Ребята уважали его за прямоту и справедливость, за интересные рассказы. Сергей Александрович побывал в Индии, Японии, Америке, Китае, Африке, Англии, он хорошо говорил по-английски и немного по-китайски и японски.

Книги открыли для мальчика Олега неисчерпаемый мир знаний, мудрости и чувств. Он с упоением читал «Вести ниоткуда» Вильяма Морриса, Герберта Уэллса, Майн Рида, Фенимора Купера, Жюль Верна, рассказы Джека Лондона, Стивенсона, полюбил Э. Сетона-Джонсона,

Генрика Сенкевича, в 14 лет прочитал «Натурфилософию» В. Освальда, Аристотеля, штудировал «Записки о Галльской войне» Цезаря...

У него были способности к языкам. Он читал на английском Уитмена, Бернса, наизусть киплингское «Если», изучал латынь, мог объясниться по-французски, в его рабочих тетрадях чешский алфавит...

Начитанный любознательный Олег преуспевал в написании сочинений. Склонность к писательству проявилась в седьмом классе, когда вместе с другом он издавал рукописный журнал (в двух экземплярах). «Учителя требовали предъявлять его «на контроль», а мы – «издавали» для себя». Соученики с нетерпением ждали очередных номеров.

В 1934 г. семья Щербановских из-за болезни отца переезжает на его родину в Ростов-на-Дону, где капитан парохода «Местком» Морфлота Азморя Сергей Александрович Щербановский вскоре скончался. Чуть не в каждой книге О. Щербановского, а у него их более пятнадцати, возникает образ покойного отца – человека сделавшего себя, твердого как камень, кристально честного, чуткого, музыкально одаренного (вспоминая Днепр, детство, родной дом, откуда ушел в 14 лет и нанялся юнгой на старую посудину, Сергей Александрович Щербановский проигрывал на баяне щемящий душу марш «Тоска по родине»).... Олег бросил восьмой класс и устроился разнорабочим на судоремонтный завод «Красный моряк», потом электромотористом в контору «Заготзерно».

В 1935 осиротевшая семья вернулась во Владивосток. Материальное положение Щербановских было незавидным, 17-летний Олег, чтобы содержать себя и помогать матери, работал сначала на Владивостокском судоремонтном заводе № 2 Госморпароходства, потом на кондитерской фабрике. Хорошо подзаработать удалось летом 1937 г. на Сахалине в поселке Катангли на японской нефтестанции.

В 1938 г. юноша экстерном закончил среднюю школу и поступил в ДВГУ на физико-математический факультет. В 1939 г. Олега перевели в Свердловский университет, но через год он вернулся во Владивосток, где продолжил учебу в ДВПИ на кораблестроительном факультете видимо заочно, потому что преподавал параллельно в средней школе № 1, а в 1941 г. был принят учителем физики и математики 8-9 классов в Краскинскую среднюю школу Хасанского района. Обучал математике детей военных, после уроков помогал физичке, жене военного, служившего на самой границе, навести порядок в запущенном физкабинете. Для души оставался

мир формул и вычислений, он читал В. Минто, Э. Шредера, О. Шмидта. Лучшее воспоминание о Краскинской школе – ученики, сотни вопросов, нерешенные задачи, уравнения, надежды, грёзы, что будет после войны, как будет... В приказе № 108 по Хасанскому РОНО от 20 декабря 1941 г. в графе образование записано: 2 курса Свердловского университета. Сохранилось фото: писатель О.С. Щербановский в гостях у школьников поселка Краскино.

Мечту стать кораблестроителем Олег Сергеевич Щербановский не забыл, корабли, море манили его с детства, главный герой «Ловцов жемчуга» депутат Верховного Совета Сергей Павлович Курлыкин тоже мечтал строить корабли, а стал известным на Дальнем Востоке рыбаком, капитаном мотобота, талантливым изобретателем.

Щербановского не взяли на фронт, подвело зрение (близорукость обнаружилась в детстве и была его большим горем), хотя он не раз ходил в военкомат и требовал послать его на фронт. Отвечали сурово: где поставлены, там и служите, не где пожелаете, а где нужны! Олег Сергеевич был мобилизован на оборонные работы. С 1943 по 1948 гг. он трудился в Крабоморзвертресте на плавучем консервном заводе «Четвертый краболов», позже на плавзаводе «Алма-Ата».

Военные рейсы – это самоотверженный труд, бессменная вахта, всегда настороже, всегда в боевой готовности, потому что в Тихом океане всюду подстерегали немецкие и японские торпеды, бомбы, вражеские подлодки, рейдеры, гудящие самолеты неприятеля. Советские грузовые суда в основном были старые, «ползали по морям со скоростью семи-восьми узлов», но служили стране на совесть в трудное время! Люди трудились на износ, сами грузили уголь для судна, грузили рыбу (сухого посола в штабелях, ящиках, бочках, консервы), занимались ремонтом судна (покраска, шпаклевка, конопатка, отбивка ржавчины и др. в условиях острого дефицита деталей, инструментов, материалов). Трудовой день длился по пятнадцать часов, питание было скудным: норма хлеба 800 г, за перевыполнение на 200 г больше, щи и слегка промасленная каша. Вооруженным пушками, пулеметами, глубинными бомбами изношенным пароходам приходилось отражать атаки пиратствовавших неизвестных подлодок. А чтобы отразить атаки и выжить команда постоянно училась, устраивались ночные тревоги: водяные, пожарные, боевые.

После победы, в благодарность за трудовые заслуги, Олег Сергеевич, работавший не щадя жизни и здоровья, без отдыха, отпусков и праздников, как многие другие труженики тыла, «обеспечившие своим трудом победу

СССР над Германией в Великой Отечественной войне», был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

Какой бы тяжелой не была жизнь, и в страшное военное время, он всегда занимался самообразованием, книга была неизменным спутником и другом. Олег Сергеевич штудировал энциклопедии, словари, пополнял запас слов и знаний, долго-долго, по-солоухински, искал слова, пробовал их на цвет, вкус, остроту, прочность, мучился над предложениями. Думается, начинал он с коротких записок, простеньких бытовых зарисовок, воспоминаний о семье, детстве, родительском двухэтажном деревянном домике, где на чердаке вечно ворковали голуби, а в палисаднике рядом с цветами жил старый-престарый тополь. Послевоенные толстые картонные тетради хранят Belles Letters (беллетристика) и рукопись под названием «В дни черной тени» (апрель 1947 г. Владивосток), написанные карандашом в то же время, что и «Стрелка», и подписанные звучным псевдонимом Олег Минорский. Со временем Олег Сергеевич выработает свою личную методику. В ней будут характеристики людей, философские размышления, диалоги, внезапная концовка, юмор, ирония.

Его первая, выстраданная, знаменитая повесть «Стрелка» вероятно, написана по личным впечатлениям, «была подвергнута разгрому на Дальневосточной писательской конференции». Бледной и невыразительной назвала образ Люды Ковровой местная критика. Писателя, прошедшего «огненные рейсы» Великой Отечественной, обвинили в незнании жизни и безответственности!

Начиная с 1948 г. Олег Щербановский начинает постоянно печататься в газете «Красное знамя» и журнале «Дальний Восток» (через много лет главный редактор «Дальнего Востока» Николай Наволочкин напишет: «Мне по-прежнему очень хочется опубликовать что-то твое в журнале. И потому, что ты много сделал для становления «Дальнего Востока», печатая у нас свои романы, и потому, что я тебя давно знаю, ценю, да и старились мы параллельно...»). Как корреспондент «Боевой вахты» и «Тихоокеанского комсомольца» он колесит по краю, знакомится с людьми. Такие поездки давали возможность насытить свои произведения новыми картинами и сюжетами. Уцелело удостоверение за № 18, выданное корреспонденту Олегу Сергеевичу Щербановскому редакцией «Тихоокеанского комсомольца» 24 мая 1948 г. и действительное по 31 декабря 1949 г. Журналистское творчество Щербановского богато очерковыми материалами о простых (не элитарных) людях – «истинном предмете литературы» - рыбаках, краболовах,

моряхах транспортного флота, лесорубах, бережливых судоремонтниках, знатных шахтерах, комсомольцах, героях труда, спортсменах, ученых...

У него широкий кругозор, в очерке «По поводу одной лекции» Олег Щербановский критикует работу Приморского отделения Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний. Может быть по заданию редакции, но очерк написан ярко, живо, интересно, видно, что автор не только хорошо разбирался в научных вопросах, но умело увязывал процесс горообразования с диалектическим материализмом.

Любознательный, жадный до знаний Олег Щербановский до последних дней своей жизни был в курсе новейших достижений науки и техники. Его друг и товарищ по писательскому цеху Михаил Матюшин как-то сказал, что «если бы он не стал писателем-профессионалом, он теперь был бы, вероятно, доктором математических наук». Статью Олега Сергеевича о промежуточных функциях хвалил сам академик Николай Николаевич Лузин, пророча Щербановскому большое будущее в математике. Во время войны, после тяжелой вахты, он не выпускал из рук двухтомный «Курс анализа» бельгийца Валле-Пусена. У него было две тетради, черновые математические выкладки он записывал в самодельную тетрадь, а продуманные новые идеи, темы – в главную, купленную в США.

Теплым летним днем послевоенного сорок восьмого забрел в редакцию «Тихоокеанского комсомольца» только что уволившийся с воинской службы Миша Матюшин с тайной мыслью «поступить в корреспонденты». В редакции матросика встретил солидный тридцатилетний литсотрудник Олег Сергеевич. Большой, белесый, нервный, рефлексирующий интеллигент Щербановский со временем станет для младшего собрата по перу Михаила Матюшина другом, наставником, подарит ему «лавину сюжетов, говоря, что их у него на три писательские жизни». Щербановские, Олег Сергеевич и Вера Георгиевна, дружили с Михаилом Ильичом и Марией Ивановной Матюшиными всю жизнь. В 1968 г. Матюшин, он в этот момент был в должности руководителя Приморского отделения Союза писателей РСФСР, помог получить им квартиру.

Литературная жизнь в конце 40-х – начале 50-х была бурной, насыщенной. «Тихоокеанский комсомолец» в течение нескольких послевоенных лет устраивал творческие мероприятия, собирая вокруг себя талантливую молодежь – артистов, художников, ученых, писателей, поэтов. На «ТОКовские среды», обсуждать литературные новинки, являлись молодые Я. Кауфман, С. Иванов, И. Дрогин, О. Щербановский и др. По

итогах литературного конкурса 1948 г., объявленного газетой «ТОК» автор рассказов «Модель» («Дороже жизни») и «Когда зреют сливы» О. Минорский (Щербановский) получил поощрительный приз (вознаграждение в 200 рублей).

В ноябре 1949 года в Хабаровске прошла творческая конференция писателей Дальнего Востока. На конференции присутствовали В. Ажаев, А. Твардовский, М. Луконин, Г. Марков, Э. Казакевич. На конференции были представлены произведения приморских литераторов Г. Халилецкого, И. Божка, М. Гусева, М. Самунина, О. Щербановского. Газета «Тихоокеанский комсомолец» за 1949 г. напечатала групповой снимок, где среди дальневосточных авторов и столичных литературных корифеев запечатлён худой белобрысый очкарик Олег Щербановский. В это же время журнал «Октябрь» в лице П. Березова дал хорошую оценку «Стрелке». В 1951 г. переработанную Люду-Стрелку отдельным изданием под названием «В море» выпустил Примиздат. Неплохо об этой работе Щербановского отозвался Дмитрий Нагишкин. В декабре 1952 г. книгу обсудил Всесоюзный семинар молодых прозаиков, участник которого Л. Никулин в своем отзыве написал: «повесть порадует наших читателей маринистов»... В 1963 г. на страницах «Литературной газеты» (№ 7 от 15 января 1963 г.) высказался Николай Задорнов: «Яркие картины жизни, верные и тонкие наблюдения за душевной жизнью героев... высокая и благородная роль, которую играют комсомольцы в судьбе девушки...». С Николаем Задорновым Олег Щербановский поддерживал дружеские отношения в течение всей своей жизни. В сентябре 1983 г., когда Задорнов приезжал в Приморье на предмет съемок «документального фильма по дорогам В.К. Арсеньева», они встречались.

Осенью 1953 г. с целью улучшения работы с творческой молодежью краевой комитет комсомола, краевой отдел народного образования, редакция газеты «Тихоокеанский комсомолец» совместно с Приморским отделением Союза советских писателей объявили открытый литературный конкурс. В конкурсе приняло участие более ста авторов, приславших рассказы, стихи, басни, поэмы. По своей тематике все эти произведения были посвящены жизни комсомольцев и молодежи Приморья, ее героическому прошлому, борьбе за мир. Волнующий рассказ О. Щербановского «Поздней осенью» (о грустной нормировщице Тосе) в номинации «Проза» получил первую премию. Рассказ печатался в №№ 18, 20, 22 «ТОК» за 1954 г. Спустя время приморцы прочитали его в 17-м номере альманаха «Советское Приморье». «Поздней осенью» также вошел в книгу О. Щербановского под названием

«Дорога через перевал», книга вышла в свет в 1957 г. В общем, критика была положительной, назвав Олега Щербановского мастером рассказа, поднимающим важные вопросы этики в жизни и поведении молодежи, вступающей в пору зрелости. Повесть «Солнечное утро» и другие три рассказа «Дорога через перевал», «Перед штормом», «Привет морскому ветру» нашли менее удачными из-за тяжелого, сухого, «философского» языка, «торопливости в работе и небрежного отношения к слову».

На литературной странице «ТОКа» в рубрике «Наши писатели» (1958 г.) есть шутивное обращение к автору «Дороги через перевал»:

«Ему, чье сердце гордо от похвал,

И днем, и ночью помнить

не мешало б:

Ведет «Дорога через

перевал»

К вершине славы

только... без привала».

Горожане, колхозники внимательно следили за литературными новинками, оценки и пожелания тружеников Приморья местным писателям зачастую публиковались в местной печати. Библиотекарь из Черниговского района, товарищ Е. Межевая, называла особенно ценными «некоторые рассказы Щербановского о жизни и труде советских моряков... Щербановскому удалось ярко и убедительно нарисовать образы героев, неутомимых борцов за коммунизм». Рабочие, служащие, пионервожатые, капитаны дальнего плавания, библиотекари сами желали учиться литературному мастерству. Например, в «ТОКе» работал литературный кружок под руководством Геннадия Гука, где на примере многочисленных примеров из произведений приморских писателей и поэтов (Щербановского, Исмаилова, Матюшина, Майбогова и др.), слушатели с большим интересом изучали теорию литературы, стихосложение и другие премудрости. И принимали участие в жизни литературного Приморья. 1 октября 1962 г. Владивосток встречал бригаду из московского журнала «Октябрь»: редактора отдела прозы А.Л. Харитонову, поэта Владимира Туркина, писателя Вадима Очеретина. Журнал активно сотрудничал с дальневосточниками. С пожеланиями и замечаниями в адрес журнала

выступили Ю. Рудый, В. Кучерявенко, Н. Матвеев-Бодрый и наш Олег Сергеевич Щербановский.

Тема человеческого счастья проходит через многие рассказы О. Щербановского. Не исключение «Невеста». Рассказ был напечатан в 26-й книге литературно-художественного альманаха «Тихий океан». Критика, в лице С. Крившенко отметила живые характеры, добротные диалоги, острые психологические столкновения, но указала на смысловую ограниченность и идейную бедность. Щербановскую «Невесту» сравнили с чеховской героиней не в пользу первой. Подлинное восхищение вызвал у читающей публики рассказ «Маскарад», вошедший в сборник 1962 г. «Счастье» (его и сейчас можно читать с удовольствием). По словам известного литературного критика С. Крившенко «есть в нем и внутреннее одухотворение, неподдельная искренность чувства, игра». Как американец О. Генри, О. Щербановский дарит надежду на исполнение желаний и человеческое счастье! Рассказ печатался в «Смене», был переведен на английский и опубликован в «Moscow News» в дни Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Вене. Этот рассказ также был помещен в учебник английского языка в двух уроках.

Любовь – главная тема повести «Человек за бортом» (1976), к сожалению, произведение не опубликовано, потому что на первом месте, по мнению литературных функционеров, должна быть «деятельность трудового коллектива», осваивающего новый рыболовный траулер. В итоге «повесть не получилась, и «спасти» ее путем доработки невозможно», несмотря на «вдумчивую редактуру» Юлии Алексеевны Шестаковой. «Прошу тебя поверить, что я очень переживаю за эти три рукописи (речь идет об «Утерянной теореме», рекомендованной Л. Князевым и одним из романов). Все рукописи не безнадежны, но в настоящем виде принять их мы не могли», – написал 20 ноября 1979 г. главный редактор «Дальнего Востока» Н. Наволочкин.

В начале шестидесятых Олег Сергеевич подошел к жанру романа. Согласитесь, не очень много написано художественных книг об ученых, занимающихся рыбохозяйственной наукой. «Не оставляй надежды» – история преодоления собственных заблуждений и нравственного прозрения честолюбивого молодого ученого, набравшегося мужества признать свои ошибки.

Увлечение О. Щербановского астрономией нашло отражение в ранних очерках и повести «Новая цефеида», написанной чуть раньше романа. Герой

– тонкий, умный, не плакатный мечтатель Володя Крапивин, грезящий о новой звезде. В детстве Олег Щербановский пытался построить из подручных средств телескоп, фотографировал Луну через бинокль и строил внушительные планы о карьере астронома.

Его второй роман «Унесенные бурей» был настолько успешен, что в 1971 году его перевели на латышский и выпустили в Риге в издательстве «Лиесма». Чтобы подтвердить высокое звание передовиков, семь, влюбленных в рыбацкое дело молодых мужиков, на «тринадцатом» мотоботе, среди мутно-синей бешеной бури, выбирают драгоценные центнеры рыбы, и попадают в жестокую бурю. Как же было страшно в этой холодной воющей бездне на утлом дрейфующем суденышке! Обессиленные, голодные, промерзшие люди 15 суток боролись за жизнь и победили! Тема чрезвычайно близкая латышам, живущим на берегах рек, озер и моря.

Средства массовой информации иногда приглашали популярного писателя-мариниста поделиться творческими планами и рассказать о текущей работе. В архиве О. Щербановского сохранился черновик выступления, подготовленный для редакции телевизионных передач под названием «Для телевидения. О.С. Щербановский. Подводя итоги года». Радио Владивостока 3 и 9 апреля 1965 г. в 21.30 транслировало главы из популярного романа «Унесенные бурей» (газета «Радио-телевидение» от 1 апреля 1965 г. (№ 13) с анонсом этой радиопередачи).

В 1973 г. Дальиздат, в числе прочих, издал пять художественных книг: сборники А. Плетнева «Чтоб жил и помнил», Ю. Кашука «Одна любовь», Н. Асеева «Солнечные прописки», роман А. Романовского «Верность» и книгу рассказов и сказок (для детей и взрослых) «Серебряная рыбка» Олега Щербановского.

Самый известный роман О. Щербановского – «Ловцы трепангов». Как лучшее произведение о рабочем классе он получил поощрительную премию на Всесоюзном конкурсе ВЦСПС и Союза писателей СССР 1970-1972 гг. В 1973 г. книга вышла в свет в издательстве «Современник». Герой романа - обиженный растерянный 18-летний мальчик со сложным характером обретает родного человека – отца...

Следующим был остросюжетный «Слепой капитан», написанный для юношества и детей. В городе детства Олега Щербановского, «где морской синий простор раскинулся до дальних лиловых берегов», а с виадука были видны больше с иностранными флагами на корме пароходы, где вокзал

похож на московский Ярославский, на обломках так сказать старого мира разворачивается настоящее приключение. Молодая советская власть ведет отчаянную борьбу с контрабандистами, отлавливает на Корабельном кладбище беспризорников, отмывает от грязи, приводит в человеческий вид и отправляет в детский дом на Черной речке близ станции Океанской. В книге много интересных наблюдений, воспоминаний о старом Владивостоке. Например, зеленый чуркинский берег, застроенный деревянными домиками и казармами, лабиринты Миллионки, Семеновский ковш, забытая Петропавловская церковь, находившаяся в Куперовской пади, с крашеным зеленым куполом и бронзовым крестом, в уютном окружении деревьев, где штурман Яша Коркин выслеживал контрабандистов... Мальчишки-погодки Яновские, думается, списаны с братьев Щербановских, они были очень похожи Женя и Олег (посветлее и тоньше). Старший Женя – крепкий, выносливый, спортивный, самостоятельно, по папиным книжкам, научился вязать морские углы, мог отлично помочь по хозяйству, с орденами и медалями вернулся с фронта домой во Владивосток, выучился на штурмана и стал старпомом, продолжив дело отца. И погиб в море...

«Тихие меридианы» (1974) со слов писателя чуть ли не три года простояли в плане издательства. Олег Сергеевич прошел семь кругов ада, прежде чем рукопись о жестоком диктаторстве на полуштрафном разваливающемся торговом судне напечатали. Писателя больно задевало, что люди, знакомые с войной по книжкам поучали его: нельзя писать о женщинах, пьянках, шалманах, воровстве, корабельных крысах и тараканьих играх, интеллигентного внештатного матроса второго класса Алексея рецензент назвал болтливой жертвой первичной начитанности, упрекнув Щербановского в небрежном и расточительном отношении к языку и слову. Наш современник, преподаватель ДВГУ Ю.В. Прасолова назвала этот роман «замечательной страницей в истории не только дальневосточной, но и русской литературы второй половины XX века».

Над глубоким зрелым романом «Человек с чужого берега» писатель работал почти 4 года. Советская критика обвинила Щербановского в дурном вкусе, литературщине, банальщине, искусственности, а писатель всего лишь пытался сказать, что «с новой наукой должны быть связаны морально чистые, возвышенные духом люди, чувствующие ответственность за будущее человечество», такие как близорукий интеллектуал Эрвин Нейхауз, чья научная работа мистическим образом связана с открытием советского ученого-математика Анатолия Аргунова.

Архив писателя – это особый мир, личный, тайный, что он хранил – наш мастер? Удивительно, кроме черновиков, неизданных рукописей, личной переписки, рецензий, семейных фото, там есть коллекция обычных советских открыток 70-80-х гг. XX в., в том числе с изображением животных. С раннего детства в доме Щербановских жили домашние питомцы – кошки, собаки. На фото Олега Сергеевича с щенком невозможно смотреть без умиления. В «Тихих меридианах» с любимицей экипажа застенчивой дворнягой Цыганкой герой ведет длинные беседы. Щемяще трогателен рассказ про добрую девочку Светочку и выброшенном черствыми родственниками в ненастную погоду котёнке из рассказа «Брат и сестра» (сборник «Золотая рыбка»).

Еще одним увлечением Олега Сергеевича, о котором мало кто знал, были литературные пародии, на Римму Казакову, Виталия Коржикова, Станислава Куняева, Александра Коренева, Юрия Мельникова и др.

История появления архива Щербановского в Приморской краевой публичной библиотеке невероятна! Супруга Олега Сергеевича Вера Георгиевна, хорошо образованная, очень бойкая, моложе супруга на 14 лет, член Приморского общества охотников и рыболовов, автолюбитель с 1973 г., его личный редактор, корректор, помощник, была настоящей боевой подругой! Надолго пережив Олега Сергеевича, она в течение двух десятков лет боролась за сохранение его творческой памяти, писала письма руководителям края, в писательскую организацию, но результат был печальным – нет ни одного посмертного издания Щербановского. Секретарь Союза писателей России, председатель Правления Владивостокской писательской организации и Приморского отделения СПР в апреле 2009 г. письменно заявил «переиздание книги О. Щербановского считаю сейчас несвоевременным, так как это станет противопоставлением одного писателя всей писательской организации края в год ее 60-летия и вызовет отрицательную реакцию писательского коллектива Приморья». Вера Георгиевна жила очень одиноко, однажды, ей усталой, очень пожилой женщине, помог донести до дома на Амурской тяжелые сумки молодой мужчина. Они подружились, в итоге Вера Георгиевна в знак благодарности оставила ему свое имущество, в том числе бумаги супруга. Наследник передал весь архив Олега Сергеевича Щербановского в отдел рукописей ПКПБ им. А.М. Горького. Архив писателя ждет своего исследователя!

Любознательный Щербановский много путешествовал по Приморью. «Нет лучшего отдыха в дни отпуска, как пройти по родному краю с

рюкзаком за спиной, проехать по дорогам на попутных машинах, останавливаясь без всякого плана в маленьких селах... Вам придется шагать по тропам, над которыми туннелем сплетаются деревья, перелазить через сухие, обросшие ушками грибов валежины, переходить вброд и прозрачные и мутные речки...». Он шагал по арсеньевским тропам, любовался волнистыми сиреневыми сопками, пил «такую свежую и терпкую воду, за которую в городе платят по рублю за бутылку», наслаждался «смолистым воздухом от хвойных деревьев». Но более всего, рожденный и выросший у моря, Олег Сергеевич *любил* море. Море было его страстью. Обрызганное солнцем, оно нежилось, заманивало в свои дымчатые дали, зеленоватое, мутно зеленое, трепетное, зеркальное, легкое, гладкое, пенное, неприятное, пустынное, тускло мерцающее, переливчатое, бесноватое, «твои гребни похожи на оскалы клыка», вечно беспокойное, злое и все равно «лучше моря ничего на свете нет»... Он писал о море, как художник пишет свои картины... В 50-е Олег Сергеевич вместе с учителем физкультуры и труда школы № 17 Александром Ивановичем Хилькевичем (в этой школе учительствовала супруга Щербановского Вера Георгиевна) устраивал для школьников длительные туристические походы по краю. Культурный, санаторный отдых писатель не любил. За всю свою жизнь он только раз был в Доме отдыха и один раз в санатории, жена заставила и он «отдыхал» с блокнотом в руках.

Последний роман писателя «Остров ветров или Гонионема» (1987) редактировался долго и мучительно. Со слов самого Щербановского, он закончил этот роман в 1983 г., «книга была очень актуальна». Рецензенты посчитали, что роман не получился. Журнал «Молодая гвардия» грубо написал, что «он просто не выдерживает критики – все в нем вторично, прямолинейно, схематично, психологически недостоверно». Член СП СССР Э. Просецкий в рецензии от 1 августа 1988 г. назвал роман слабым. У Щербановского даже случился инфаркт «в результате эмоционального стресса». «Современник» в 1989 г. вдове писателя Вере Георгиевне, пытавшейся издать роман, в лице заведующего редакцией новинок прислал отрицательный отзыв: «художественное несовершенство романа доказывается на конкретных примерах». «В сокращении, даже несколько обидном», со слов самого Щербановского, он был напечатан в журнале «Дальний Восток» за 1987 г.

Олег Сергеевич был независим, горд и может быть капризен, у него было высокое мнение о своем литературном таланте, он никогда не шел на компромиссы, не угодничал, не искал покровителей, не подличал, его

оскорбляли редакторские требования и запреты, чье «понимание литературы соответствовало не правде жизни и не растущему ныне плодотворному сочетанию социалистического и критического реализма, а сладеньким поделкам искусственных, а не реальных характеров». Это была крупная личность, очень одаренный, независимо мыслящий, справедливый, он умел совмещать свободу духа с суровой советской действительностью...

Горько и больно сознавать, что захоронение популярного советского писателя, внесшего значительный вклад в литературную маринистику Приморья, романтика, влюбленного в море, ироничного, глубокого, тонкого автора, чье творчество было высоко оценено современниками, заброшено, памятник Олегу Сергеевичу, установленный в 1988 г. на Морском кладбище требует реставрации, простое деревянное надгробие Веры Георгиевны, упокоенной в 2010 г. рядом с супругом, покосилось и скоро развалится...

23 августа стало известно, что Приморское отделение Союза российских писателей, по инициативе писателя Олега Вороного, выделило деньги на обустройство захоронения четы Щербановских.